

НЕКРАСОВСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ И В ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ (XVIII — начало XIX ст.)

А. Д. БАЧИНСКИЙ

Круг задач, поставленных данной темой, довольно широк и разнообразен. Он охватывает вопросы происхождения некрасовцев, времени и причин их появления на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии, социально-экономических отношений внутри этой своеобразной казачьей общины, взаимоотношений с русскими раскольниками-старообрядцами (липованами-пилыпонами), задунайскими запорожцами, феодально-крепостнической Россией, султанской Турцией, Крымским ханством и т. д.

Количество специальных исторических исследований, посвященных дореволюционными авторами некрасовцам, крайне ограничено¹. Более обширна литература о раскольничьих поселениях и старообрядческой иерархии на Дунае и в Бессарабии, содержащая довольно значительные сведения и по истории некрасовских казаков в этих районах². Определенные данные о некрасовцах и их историческом прошлом имеются также в этнографической и мемуарной литературе³. Наконец, отдельные замечания о некрасовских поселениях на нижнем Дунае нашли отражение в ряде общих работ по истории Бессарабии и ее заселению⁴.

подавляющее большинство дореволюционных авторов, представлявших преимущественно дворянскую и церковную историографию, рассматривало некрасовцев как антиправительственный элемент, бунтовщиков против истинной веры, подгоняя схемы своих исследований под официальные церковные догмы. С другой стороны, историки буржуазно-либерального и в особенности народнического направления, стремясь использовать в своей практической деятельности определенную оппозиционность раскола к официальной России, идеализировали социально-экономические отношения, сло-

¹ См. А. Скальковский. Некрасовцы, живущие в Бессарабии. «Журнал министерства внутренних дел» («ЖМВД»), 1844, № 8; И. Дмитриенко. К истории некрасовцев на Кубани. «Известия общества любителей изучения Кубанской области» («ИОЛИКО»), в. I, Екатеринодар, 1899; П. П. Короленко. Некрасовские казаки. «ИОЛИКО», в. 2, Екатеринодар, 1900.

² Н. Субботин. История белокриницкой иерархии, 1874; Материалы для истории раскола, т. I, М., 1875; Melchisedek. Lipovenismul u adica schismatici seu gazcolnici... eretici rusesci. Bucuresci, 1871; И. Воробкевич. Раскол и липованы или старообрядцы в Буковине и Румынии. Журн. «Кандела», Черновцы, 1883; С. Маргаритов. Старообрядцы северной части Бессарабии. «Кишиневские епархиальные ведомости», 1893, № 3; И. Пархомович. Краткий исторический очерк противораскольничьей миссии Кишиневской епархии. «Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества», в. 3, Кишинев, 1909; A. I. Arbog. Alezarile lipovenilor rusilor in Dobrojea. «Archiva Dobrojei», 1920, № 1.

³ И. Липранди. Обзорение пространства, служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 год. СПб., 1851; (В. Кельсиев). Очерк истории старообрядцев в Добрудже, «Славянский сборник», т. I, СПб., 1875; ряд статей в журнале этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете — «Этнографическое обозрение» (см. соотв. указатели Г. И. Куликовского); М. Чайковский. Записки. «Русская старина», 1895—1896; Ф. Кондратович. Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам). «Киевская старина», 1883, №№ 1, 2, 4; Лупулеску. Русские колонии в Добрудже, «Киевская старина», 1889, №№ 1—3 и др.

⁴ См. напр. А. Зашук. Бессарабская область. Материалы для географии и статистики России, СПб., 1862, стр. 156—157. А. Накко. Очерк гражданского управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. «Записки Одесского общества истории и древностей» («ЗООИД»), т. XI, 1879; Г. Бахталовский. Посад Вилков. Историко-статистический и бытовой очерк, Кишинев, 1881; П. Н. Батюшков. Бессарабия. Историческое описание, СПб., 1892, стр. 138, 146; А. П. К. (остантинов). Русские в Южной Бессарабии. К истории колонизации, «Русский архив», 1902, кн. 2; «Бессарабия». Альманах, М., 1903, стр. 109; П. Т. Коломейцев. Генерал С. А. Тучков — основатель Измаила. Одесса, 1908, стр. 24—25; Л. С. Берг. Бессарабия. Страна—люди—хозяйство, Пгг., 1918, стр. 122—123.

жившиеся внутри некрасовско-старообрядческой общины. Это привело к тому, что ряд важнейших вопросов истории некрасовцев оказался основательно запутанным.

В советской исторической литературе разработка этой интересной, но малоизученной темы только начинается. В частности, появление некрасовского движения прямо и непосредственно связывается с обострением классовой борьбы на Дону в начале XVIII ст.,⁵ а применительно к истории Бессарабии — с социально-экономическим развитием края (народной колонизацией и экономическим освоением данной территории)⁶. В последнее десятилетие появилось несколько интересных публикаций некрасовского фольклора с весьма содержательными вступительными статьями и комментариями Ф. В. Тумилевича⁷.

В августе 1708 г., после подавления основных очагов восстания на Дону, один из ближайших сподвижников К. Булавина Игнатий Некрасов увел в Кубань, бывшую тогда под юрисдикцией Крымского ханства, до 2-х тысяч казаков с женами и детьми⁸. Вскоре после этого некрасовец С. Селиванов привел с Дона еще около тысячи казацких семей⁹. Подавляющее большинство ушедших на Кубань повстанцев были раскольниками. Здесь некрасовцы встретились со старообрядцами, осевшими на Кубани и Таманском полуострове в конце 80-х — 90-х годах XVII ст.¹⁰. Созданная ими своеобразная казацкая община получила наименование «Кубанское войско некрасовских казаков»¹¹.

Некрасовская община непрерывно пополнялась за счет беглых раскольников с Дона и великорусских губерний. Царская администрация предпринимала неоднократные попытки выжить раскольников с Кубани. Попытки эти не дали, однако, серьезных результатов¹². Судя по некрасовским преданиям, игнат-казаки, как иногда именуются некрасовцы в турецко-татарских источниках, держались завета: «Царизме не покоряться, при царизме в Росию не возвратиться»¹³.

К 1740 г. в среде кубанских некрасовцев происходит раскол, вызванный, по всей вероятности, резким имущественным расслоением и усугубленным наступлением царских войск. Часть некрасовцев переселяется на нижний Днестр и Дунай, большинство же остается на Кубани.

Вопрос об этом первом значительном переселении некрасовцев в интересующие нас районы почти не изучен и нуждается в более детальном рассмотрении.

Прежде всего, некрасовцев, занимавшихся на Кубани преимущественно рыболовством, привлекали богатые рыбные промыслы низовий Днестра и Дуная. Территории эти были знакомы донским казакам-старообрядцам еще с конца XVII ст.¹⁴. В 1709 г. посланцы И. Некрасова побывали на нижнем Днестре, в частности в Бендерах¹⁵. В середине 30-х годов XVIII ст. отмечены совместные действия Буджакской орды, запорожцев и некрасовцев¹⁶. Наконец, и до переселения на Дунай, некрасовские рыбо-

⁵ См. А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. Ростов на Дону, 1961, стр. 277—288; Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. М., 1962, стр. 101—112, 194—196.

⁶ История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951, стр. 346—347; Я. Гросул. Крестьяне Бессарабии, Кишинев, 1956, стр. 48; Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма, Кишинев, 1964, стр. 388—390.

⁷ «Русские народные сказки казаков-некрасовцев», Ростов на Дону, 1958; Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов на Дону, 1961.

⁸ Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. М., 1962, стр. 186.

⁹ А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. Ростов на Дону, 1961, стр. 264; А. Скальковский, пытаясь преуменьшить число ушедших на Кубань, определяет их в 800—900 семейств («ЖМВД», 1844, № 8, стр. 63). В то же время Ф. В. Тумилевич значительно преувеличивает число некрасовцев, ушедших на Кубань, доводя их количество до 15 тысяч воинов (с семьями до 65—70 тысяч), «Сказки и предания казаков-некрасовцев», Ростов, 1961, стр. 5.

¹⁰ П. П. Короленко. Некрасовские казаки, стр. 13.

¹¹ И. И. Дмитренко. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казацкого войска. Т. I (1737—1801 гг.), СПб., 1896, стр. 3.

¹² И. Дмитренко. К истории некрасовцев на Кубани, стр. 65—67.

¹³ Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев, стр. 6—7.

¹⁴ М. И. Лилеев. Из истории раскола на Ветке и в Стародубщине в XVII—XVIII вв. К., 1895, стр. 260—261.

¹⁵ Допрос Г. Герцыка об участии его в измене Мазепы, «Киевская старина», 1883, № 3, стр. 601.

¹⁶ А. Кочубинский. Граф А. И. Остерман и раздел Турции. Одесса, 1899, стр. 187.

ловные артели неоднократно промышляли в этом районе Черного моря¹⁷. Немаловажным являлось также и то обстоятельство, что к середине XVIII ст. низовья Днестра и Дуная были заселены многочисленными раскольничьими слободами¹⁸. По некоторым данным, в 30-х годах некрасовцы Кубани поддерживали с ними определенные связи¹⁹.

Таким образом, выбор некрасовцами именно этих территорий был вполне закономерен, тем более, что султанское правительство еще в 1711 г. предлагало им переселиться в устье Дуная²⁰.

Большинство исследователей, отмечая поселения некрасовцев на Нижнем Дунае в 1740—1742 гг., оставляет открытым вопрос о том, были ли аналогичные поселения и на Нижнем Днестре²¹. П. П. Короленко, например, считал, что до конца 70-х годов XVIII ст., а возможно и далее, некрасовцы вообще не переселялись на Дунай или Днестр. По его мнению указания турецко-татарских источников на наличие в 40-х годах XVIII ст. в данных районах некрасовцев, является результатом распространения авторами этих документов наименования «некрасовцы» на все старообрядческие поселения, находившиеся под юрисдикцией Крыма и Турции²². Полагаем однако, что это утверждение П. П. Короленко лишено серьезных оснований. Судя по архивным источникам, и в частности донесениям русских дипломатических представителей и военных агентов, турецкая администрация четко различала некрасовцев (именовавшихся также дунаевецкими и кубанскими казаками), обязанных нести воинскую службу и пользовавшихся в силу этого определенными привилегиями, от остальной массы раскольничьего населения²³. Это различие прекрасно осознавали и сами некрасовцы²⁴.

Что же касается поселений некрасовцев в 40-х годах XVIII ст. не только на Нижнем Дунае, но и на Днестре, то этот факт фиксируется как официальными татарскими, так и русскими церковными источниками.

В берате крымского хана Ислам-Гирея, направленном в 1781 г. дунайским некрасовцам, отмечалось, что «игнатовцы», находившиеся в подданстве ханов, жили «при реке Днестру разными деревнями» с «давних времен»²⁵. Известно также, что в 1753 г. некрасовцами, жившими «у Днестра», был убит самозванный архiereй, авантюрист, некто Аифим (Афиноген), объявивший себя епископом «кубанския и хотинския раи»²⁶.

К концу 60-х годов XVIII ст. произошло, по всей вероятности, перемещение днестровских некрасовцев на Дунай, вызванное наступлением русских войск в связи с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. Старообрядческое же население продолжало оставаться на Днестре и далее²⁷.

В 1771 г. положение некрасовско-старообрядческого населения на Нижнем Дунае резко осложнилось. Территория Молдавии, Валахии и Бессарабии оказалась занятой русскими войсками. Царское командование предприняло целый ряд попыток, направленных на возвращение раскольников в Россию. 21 февраля 1771 г. граф П. А. Румянцев писал Н. И. Панину, что «польза наша требует не оставить сих раскольников в здешних местах, дабы они не были гнездом и убежищем беглецов из наших

¹⁷ Очерк истории старообрядцев в Добрудже. «Славянский сборник», т. I, СПб., 1875, стр. 607.

¹⁸ А. Иоаннов (Журавлев), Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. Ч. 2, СПб., 1885, стр. 18, 24; Шапов, Русский раскол старообрядчества... Казань, 1859, стр. 7, 124, 490; Л. Добров. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879, стр. 535.

¹⁹ Г. Есипов. Раскольничьи дела XVIII ст., в. I, СПб., 1861, стр. 243, 248.

²⁰ М. И. Лилеев. Из истории раскола..., стр. 261.

²¹ См. напр. Ф. В. Гумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев, стр. 6—7, 255; Очерк истории старообрядцев в Добрудже, стр. 608.

²² П. П. Короленко. Некрасовские казаки, стр. 27.

²³ Архив внешней политики России (АВПР). ф. 69, оп. I, д. 231, л. 129; Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), ф. 450, оп. I, д. 9, лл. 1—7.

²⁴ См. «Сказки и предания казаков-некрасовцев», Ростов, 1961.

²⁵ Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России. Т. 4, СПб., 1889, стр. 227.

²⁶ А. Иоаннов. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. Т. 4, СПб., 1885, стр. 34; И. Пархомович. Краткий исторический очерк противораскольнической миссии Кишиневской епархии. «Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества», в. 3, Кишинев, 1909, стр. 7.

²⁷ П. Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. М., 1799, стр. 227.

границ»²⁸. На протяжении 1771—1773 годов царские войска совершили ряд карательных экспедиций против старообрядцев в районы Дунайской дельты²⁹. Положение здесь стабилизировалось только после заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.

В конце 70-х—начале 80-х годов XVIII ст. прошло второе массовое переселение некрасовцев Кубани на Дунай³⁰. Провозглашение независимости Крымского ханства, прорусская политика Ислам-Гирея и наступление царских войск на Кубань и Таманский полуостров поставили некрасовцев под непосредственный удар русского правительства. Вхождение же в 1783 г. Крымского ханства в состав России сделало окончательно невозможным для большинства раскольников пребывание на Кубани. Поэтому на протяжении 1777—1784 годов отдельные группы некрасовцев покидают низовья Кубани и переселяются в район Дунайской дельты и Добруджи³¹. Незначительная часть раскольников продолжала оставаться на Кубани и далее, войдя к концу XVIII ст. в соприкосновение с черноморскими казаками. В дальнейшем они также переселились на Дунай³².

В свою очередь в конце 80-х—начале 90-х годов XVIII ст. часть некрасовцев, по всей вероятности, в связи с русско-турецкой войной 1787—1791 гг., покидает низовья Дуная и Добруджу и поселяется на берегах Эгейского и Мраморного морей, в устье р. Эйнос и на оз. Майнос. С этого времени возникают две ветви некрасовцев: дунайская и майносская³³.

Дунайские некрасовцы, располагавшиеся в основном по берегам Георгиевского гирла Дуная, вокруг оз. Разсельм (по-некрасовски—Разин) и в районе Бабадага, объединили вокруг себя все местное старообрядческое население. Сюда массами стекались также раскольники из России. В раскольничьих селениях, по утверждению А. Шапова, оседали не только старообрядцы, но и придерживавшиеся официальной церкви беглые крестьяне, солдаты, ремесленники, попадавшие в экономическую зависимость от местных богачей и торговцев³⁴.

К концу XVIII—началу XIX ст. это явление приобрело массовый характер во всех старообрядческих поселениях Южной Бессарабии и Нижнего Дуная³⁵.

Интересно отметить, что некрасовцы и на Дунае продолжали притягивать к себе казаков с Дона. Это обстоятельство серьезно беспокоило царское правительство. В 1783 г. Войсковое правительство располагало сведениями о пребывании в Буджакской степи и на Нижнем Дунае 254 беглых донских казаков, скрывавшихся в раскольничьих селениях³⁶. Для их розыска и возвращения русский генеральный консул И. И. Северин направил сержанта П. Зимина, однако миссия его окончилась практически безрезультатно³⁷. В этой связи заслуживает внимания намерение Емельяна Пугачева перейти в Южную Бессарабию и остаться тут на «вольное поселение». На допросе в 1774 г. он даже утверждал, что ездил в Бендеры, где жил некоторое время³⁸. Выход донских казаков на Нижний Дунай отмечен также в конце XVIII—начале XIX ст.³⁹.

В результате всех указанных перемещений интересующих нас групп населения, к началу XIX ст. в Южной Бессарабии, на Нижнем Дунае и в Добрудже оказалось значительное количество некрасовско-старообрядческих поселений. До начала русско-ту-

²⁸ Архив военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского, ч. II (1770—1774 гг.), «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1865, кн. 2, стр. 127.

²⁹ А. Петров. Война России с Турцией и польскими конфедератами, 1769—1774 годы, т. 3, СПб., 1874, стр. 115—117; т. 4, СПб., 1874, стр. 24—25; А. Скальковский, Дунайцы, «Киевская старина», 1855, № 1, стр. 120.

³⁰ Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855, стр. 293; П. П. Короленко. Некрасовские казаки, стр. 10, 46—48.

³¹ Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России, Т. I, стр. 362, 380, 463, 649—650; т. 2, СПб., 1885, стр. 472—473, 584; т. 3, СПб., 1887, стр. 314, 365, 385; т. 4, СПб., 1889, стр. 230.

³² Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Т. I, Екатеринодар, 1910, стр. 608—609.

³³ Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев, стр. 6, 214, 255.

³⁴ А. Шапов. Русский раскол старообрядчества, стр. 291.

³⁵ АВГР, ф. 69, оп. I, д. 256, лл. 5, 11, 13.

³⁶ Там же, д. 22, лл. 1—5.

³⁷ Там же, д. 12, л. 81; д. 45, л. 11.

³⁸ А. С. Черевань. До перебування О. Пугачова на Україні і в Білорусії. «Український історичний журнал», 1963, № 5, стр. 109.

³⁹ Краснодарский крайгосархив, ф. 250, оп. 2, д. 151, лл. 19—71.

репкой войны 1806—1812 гг. и выхода русских войск на Дунай некрасовцы-старообрядцы отмечены в следующих населенных пунктах: Бендеры⁴⁰, Гура-Роша (ныне Казацкое)⁴¹, Аккерман (ныне Белгород-Днестровский)⁴², Аджибрат (Хаджи-Ибрагим), Жебриены (ныне Приморское)⁴³, Липованское (Вилково) и Кубанка⁴⁴, Карячка (ныне Мирное)⁴⁵, Килия⁴⁶, Измаил⁴⁷, Буджак-Некрасовцы (между озерами Кагул и Ялпук)⁴⁸, Джурджулешты (близ устья Прута)⁴⁹. Но особенно значительными были поселения некрасовцев в районе Старой Килии, Тульчи, Исакии, по берегам Георгиевского Дуная—Большие и Малые Дунавцы, Серикной, вокруг оз. Разсельм, в Караурмане, в районе Бабадага⁵⁰. Общее количество населения в этих районах по ориентировочным подсчетам русских военных агентов достигало 15 тысяч человек⁵¹.

В ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг., а затем и в последующие годы (1813—1814, 1817—1824, 1827—1831) значительные группы некрасовцев переселились из Добруджи на левый берег Дуная, пополнив население Измаила и основав ряд сел, в том числе Муравлевку, Новую и Старую Некрасовку, Сафьяны⁵².

Таким образом передвижения некрасовцев на Нижний Дунай и в Южную Бессарабию на протяжении XVIII—начала XIX ст. сыграли заметную роль в процессе народной колонизации этих мало заселенных районов.

⁴⁰ Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака, Аккерман, 1899, стр. 292; И. Н. Халиппа. Описание архива гг. сенаторов, председательствовавших в диванах княжеств Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 год. «Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии», т. 2. Кишинев, 1902, стр. 381.

⁴¹ АВПР, ф. 69, оп. I, д. 22, л. 5.

⁴² Там же; И. Пархомович. Краткий исторический очерк противораскольнической миссии Кишиневской епархии, стр. 5.

⁴³ ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 165, св. 31, д. 27, лл. 1—14; Одесский облгосархив, ф. 1, оп. 248, д. 2771, л. 4.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 464, оп. I, д. 59; АВПР, ф. 69, оп. I, д. 22, л. 5; Г. Бахталовский, Посад Вилков, Кишинев, 1881, стр. 10; Z. A g b o g e. Dictinarul geografic al Basarabiei, 1904, стр. 227.

⁴⁵ Статистическое описание Бессарабии, стр. 138.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. Молдавской армии, оп. 165, св. 31, д. 27.

⁴⁷ Филиал Одесского облгосархива в г. Измаиле, ф. 514, оп. I, д. 24. Статистическое описание Бессарабии, стр. 375.

⁴⁸ В 1819 г. переселены в Измаил. А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, стр. 25.

⁴⁹ После 1812 г. выселились, а их место заняли молдавские переселенцы. А. П. К(онстантинов). Русские в Южной Бессарабии, «Русский архив», 1902, кн. 2, стр. 152.

⁵⁰ А. Скальковский. Некрасовцы, живущие в Бессарабии, стр. 69—70; Очерк истории старообрядцев в Добрудже, стр. 609—610; П. П. Короленко. Некрасовские казаки, стр. 46—49; ЦГВИА, ф. 450, оп. I, д. 9.

⁵¹ И. Липранди. Обозрение пространства служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 год. СПб., 1851, стр. 16.

⁵² А. Скальковский. Некрасовцы, живущие в Бессарабии. Стр. 70, 73, 78; М. И. Кутузов. Документы, т. III, М., 1952, стр. 382—383; П. Т. Коломейцев. Генерал С. А. Тучков — основатель Измаила. Одесса, 1908, стр. 24. Одесский облгосархив, ф. 1, оп. 248, д. 2771, лл. 4—5. История міст і сіл УРСР. Одеська область. К., 1969, стр. 468—470.